

Моральная нормативность в профессиональной этике (Профессиональная этика в музейной сфере)*

Гусев Д. А.

Когда эта штука взорвалась, когда стало ясно, что Америка может смести целый город одной-единственной бомбой, некий ученый, обратившись к отцу, сказал: «Теперь наука познала грех».

И знаете, что сказал отец? Он сказал: «Что такое грех?»

*К. Воннегут,
«Колыбель для кошки»*

Определение профессии и профессиональная этика

Идея, что любой вид человеческой деятельности, не важно, связана она с другими людьми или нет, с необходимостью имеет моральное измерение, вряд ли может быть опровергнута¹. С этой точки зрения, профессиональная деятельность вне зависимости от сферы реализации претендует на моральное осмысление, оценку и регуляцию. Роль труда вообще, или определенной деятельности, или, скажем, частной профессии в обществе может и, вероятно, должна быть представлена в аспекте ее отношения к моральным вопросам, которые принципиальны для конкретного сообщества или времени. Само собой разумеется, что о какой бы деятельности или же профессии мы также не говорили, речь всегда идет о людях, подчиняющихся общепринятым моральным нормам, разделяющим универсальные ценности, а зачастую еще и ориентированным в сво-

---

* Статья выполнена при поддержке гранта РФНФ (Проект № 12-03-00505).

¹ Исключением могут быть лишь казуистические контroversы по поводу утилитарной деятельности человека, которые, однако, с легкостью могут быть опровергнуты консеквенциалистской этикой и философией.

их профессиональных действиях на локальные ценностные структуры (национальные, религиозные, политические и проч.)¹.

Трудности возникают лишь тогда, когда предпринимается попытка проанализировать моральную специфику той или иной деятельности или, говоря точно, *профессии* (как систематически развитой формы деятельности, востребованной постоянно и на достаточно высоком уровне организации). Этика деятельности, как таковой (либо деятельности в конкретной сфере), не может представлять собой самодостаточное нормативное целое, так как лишена фиксированного субъекта действия и, следовательно, субъекта ответственности.

К примеру, добыча нефти (и в принципе любого полезного ископаемого) в самом общем плане этически осмысляется в контексте следующих проблем: это справедливое распределение благ, вопрос коллективного владения природными богатствами, экология региона и сохранение природного наследия для будущих поколений, достойная оплата труда сотрудников, дивидентная политика менеджмента, социальные инициативы добывающих корпораций, ответственное ведение бизнеса и др. Короче говоря, это все те вопросы, которые связаны с тривиальным фактом добычи и продажи природного ресурса. Стоит же попытаться выделить в отдельную составляющую профессиональную этику условного нефтяника или типичной нефтедобывающей компании, как мы столкнемся с проблемой определения профессиональной специфики этого рода деятельности: обнаружится масса профессий и специальностей, составляющих «корпус нефтяников», начиная с геологоразведчиков и заканчивая трейдерами на сырьевых рынках и электронных площадках. Сама деятельность будет определяться крайне общим образом, что повлечет за собой применение в значительной степени размытых этических формулировок и оценок, и в конечном итоге моральная регуляция попросту потеряет всякий смысл.

Очевидно, что для морального суждения, чтобы выявить этическое измерение всякой деятельности, события и процесса, требуется его активный агент или, как минимум, субъект, который действует либо бездействует, тем самым привлекая некие неотменяемые

---

¹ См., напр., по этому вопросу труды М. Вебера: Протестантская этика и дух капитализма, Протестантские секты и дух капитализма, Хозяйственная этика мировых религий.

фактические последствия. В этом смысле для этики ключевым вопросом моральной аналитики той или иной формы или вида деятельности является установление действующего субъекта, который бы мог приобрести статус морального, — то есть включенного в моральную нормативность, взаимодействующий с ней. Для профессиональной этики таким моментом становится проблема дефиниции профессии — определения того множества субъектов, деятельность которых имеет очевидное моральное измерение и которые способны в конкретном профессиональном поле или контексте морально действовать, что в свою очередь и генерирует моральную нормативность. В дополнение к выделению морального субъекта необходимо описание специфики его деятельности и тех условий, в которых она осуществляется — все это, чтобы сформулировать моральные ожидания и требования к субъекту.

Определение *профессии* становится насущной задачей профессиональной этики еще и потому, что в процессе создания дефиниции обнаруживается тот факт, что не всякий род человеческой деятельности обладает этически значимым компонентом. Безусловно, перед исследователями не стоит цель провести этический водораздел между различными видами деятельности на основании того, что подпадает под определение профессии, а что нет. Многие профессии постоянно находятся в ситуации становления и самоосмысления, и говорить о том, что только сугубо профессиональные сообщества имеют право на специфическую моральную нормативность, было бы безответственно и преступно по отношению к отдельным сферам жизни и самому обществу в целом.

В качестве рабочего подхода для определения профессии можно предложить идею американского этика Ричарда Т. де Джорджа. В работе «Деловая этика»¹ он отмечает, что «тенденция к специализации побудила отдельные группы людей провозгласить себя в качестве групп особых профессий, добиваться престижа и богатства, которые идентифицировались с принадлежностью к таким свободным профессиям. Профессионализм и группы свободных профессий породили особые проблемы с точки зрения этики. Быстрый рост таких групп делает эти проблемы все более настоящими». Де Джордж исторически связывает формирование профессии с по-

---

¹ Де Джордж Р. Т. Деловая этика. М., 2003. С. 817.

явлением так называемых «свободных профессий»¹. В свободные профессии входят те виды человеческой деятельности, которые помимо удовлетворения особых профессиональных требований имеют одну общую особенность — они в своем роде гарантируют выживание человеческого сообщества и поддержку порядка в нем. Поэтому де Джордж относит к основным свободным профессиям следующие: врач, юрист, инженер и преподаватель.

Эти четыре профессии складываются еще в Средние века (помимо них существовали также профессии священника и солдата, однако последние две, строго говоря, перестают быть профессиями в Новое время), и именно они требуют особого к себе отношения со стороны общества. Во-первых, эти профессиональные сообщества достаточно автономны от самого общества и государственного регулирования: они сами устанавливают внутренние профессиональные стандарты, в том числе и поведенческие (моральные). Это связано со следующими причинами — существование перечисленных профессий является результатом многолетнего систематического обучения их членов; вхождение в профессию подразумевает обретение узкоспециализированного и труднодоступного знания, а допуск к практике осуществляется, как правило, коллегиальным профессиональным органом. Кроме того, представители этих профессиональных сообществ устанавливают жесткие внутрипрофессиональные правила. Строго говоря, эти занятия и являются профессиями в полном смысле этого слова; или же можно предположить, что в основном только указанные виды деятельности могут считаться профессиями. За это также выступает и тот факт, что только данные профессии обладают внутренней системой моральной регуляции в отличие от других. Последнее обстоятельство, правда, не означает, что та форма человеческой деятельности, которая имеет явное этическое измерение и собствен-

---

¹ Причем, он также указывает и на следующий момент: «Какие бы виды деятельности ни характеризовались как свободные профессии и какую бы роль они ни играли в обществе, участниками этих профессий всегда являются люди и членами таких групп специалистов также всегда являются люди. Участники таких профессий выступают в этой роли в первую очередь как люди и лишь во вторую очередь как члены профессиональных групп. Поэтому не существует особой этики, которая позволяла бы лицам свободных профессий в качестве таковых делать то, что другим делать безнравственно» — см. Де Джордж Р. Т. Деловая этика. С. 818.

ную уникальную моральную нормативность, может считаться профессией по определению.

Де Джордж обращает внимание на то, что «тенденция к специализации побуждает все больше и больше групп идентифицировать себя в качестве свободных профессий»¹, что в свою очередь ставит профессиональную этику перед структурной дилеммой: есть ли разница между профессией и профессионализмом, между профессиональным самоопределением и признанием и специализацией. *Профессионал* — это, по-видимому, человек, который выполняет свою работу на высоком уровне, и для него эта работа и есть основной источник дохода. Данное определение не противоречит идее профессии, по крайней мере, логически. Означает ли это, что любой профессионал и всякая профессиональная деятельность связаны со специфической моральной нормативностью в своей деятельности? Безусловно, профессионалы вне зависимости от области сталкиваются с моральными проблемами, и моральный выбор едва ли можно отменить для конкретных сфер деятельности. Однако, есть ли у профессионала необходимость в специфическом моральном регулировании своей деятельности, или же цитируя де Джорджа: «Станут ли водопроводчики лучше выполнять свою работу, если их признают принадлежащими не к определенному ремеслу, а к свободной профессии? Станут ли врачи выполнять свои обязанности хуже, если их род занятий причислят не к свободной профессии, а к ремеслу?»²

Данная дилемма оказывается своеобразным гордиевым узлом профессиональной этики в том смысле, что именно ее решение определяет границы собственно этического в профессиональной сфере: точное определение профессии или рода деятельности, требующего отдельного и более точного (по сравнению с другими занятиями) морального регулирования, должно гарантировать защищенность этой профессии от дилетантизма и волюнтаризма общества в отношении этой деятельности, а для общества — лучшее и честное служение представителей этой профессии.

Очевидно, что профессиональная этика вынуждена в своих дефинициях исходить отнюдь не из внешних по отношению к ней признаков профессии, экстернализируемых в виде тех или иных «масок профессионального субъекта», а скорее должна применять

---

¹ Де Джордж Р. Т. Деловая этика. М., 2003. С. 819.

² Там же. С. 821.

собственную методологию обнаружения необходимости моральной нормативности в профессиональной среде.

Моральное регулирование в профессиональных музейных сообществах

Как было показано выше, профессионализм, тема профессии и этика тесно связаны. В буквальном смысле определение профессии означает обнаружение в той или иной деятельности явной моральной составляющей, значимой как для самого профессионального сообщества, так и для общества в целом.

Музейное сообщество выступает как раз таким примером: на протяжении всего XX в. идет процесс становления профессии «музейщика», и даже на сегодняшний момент среди специалистов нет единого мнения о том, (1) можно ли относить представителей музейного сообщества к конкретной профессии, (2) сложилось ли *единое* профессиональное поле в сфере музейной работы, и (3) каким образом можно выделить некий идеальный профессиональный тип сотрудника музея, который мог бы быть однозначно отделен от множества тех профессий и специальностей, которые в общем-то и составляют музейное сообщество (искусствоведы, историки, реставраторы, архивисты, дизайнеры, администраторы, хранители, экскурсоводы и др.).

Наблюдая процесс самоопределения музейного сообщества с точки зрения профессионализации и внутренней рефлексии сообщества, можно отметить несколько значительных для профессиональной этики моментов, которые в некотором смысле меняют понимание взаимоотношения профессии и профессиональной моральной нормативности.

Так, в 1988 г. американский музейный журнал *Museum News* опубликовал специальный выпуск «Этика и профессионализм»¹. В этом выпуске один из авторов, Стивен Вейль, утверждал, что музейные этические кодексы и их применение придают убедительность утверждению, что музейная работа — действительно профессия. Эта точка зрения нашла поддержку у группы специалистов в том же номере. Ответственность перед общественностью (самое

---

¹ Mensch P. v. Towards a methodology of museology. PhD thesis, University of Zagreb, 1992. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.otherspace.co.uk/students/simoncaslaw/thesis/standards/PVMethicsPhD.htm>.

главное — осознание этой ответственности членами профессии) рассматривается ими как фундамент для профессий в общем и музейной профессии в частности. Кроме того, музей, как правило, отмечают авторы, понимается как социальный институт, который дает дополнительное измерение социальной ответственности сотрудников музея.

Профессионализм и социальная ответственность, в свою очередь, создают потребность в определенном инструменте, который смог бы регулировать деятельность кураторов и работников музея — этическом кодексе. Этот инструмент должен использовать четко описанную моральную нормативность, то есть правила, которые и должны регулировать действия музея и его сотрудников. Однако сам по себе этический кодекс не имеет органов власти, также как и источника своего действия. Он эффективен только при наличии личной приверженности и желания профессионалов соответствовать ему в своих действиях. В случае с музеями вопрос о профессиональном самоопределении было предложено решать исходя из тех глобальных вопросов, которые музейное сообщество фактически поставило о роли музея в обществе. Профессиональное сообщество, обнаружив сложившуюся моральную нормативность в виде кодексов, констатировало заинтересованность музея в глобальной рефлексии о смысле и цели музейной деятельности в контексте деятельности социальных институтов вообще.

Таким образом, музейная этика становится одной из профессиональных этик. Устав Международного совета музеев (ИКОМ) определяет музейную профессию как состоящую из «всех сотрудников музеев или связанных с ними учреждений, которые получили специализированное техническое или академическое образование, или обладают эквивалентным практическим опытом, и которые чтут принципы кодекса профессиональной этики»¹. Тем самым признается, что профессиональная идентичность устанавливается не только через общий предмет и поле деятельности, наличие специфического образования, но и через моральные нормативные структуры, выражаемые в этических кодексах. С этим связана одна из особенностей этических кодексов, которая заключается в том, что кроме ограждения профессии от других видов деятельности, этические кодексы выражают тенденцию профессионалов смотреть внутрь своей системы, обращать внимание на происходящее в музее, — формировать еди-

---

¹ <http://www.icom.org.ru/get.asp?id=A5>

ное профессиональное поле на основании собственных представлений и сущности музейной деятельности. Эта тенденция находит свое отражение, во-первых, в акценте на структуру и организацию музейных кодексов, а во-вторых, в описании содержания обязанностей профессионалов музейного сообщества.

Интересен тот факт, что этические кодексы появляются в музейном сообществе достаточно давно, что может свидетельствовать о значительном и постоянном интересе представителей профессионального сообщества к вопросам внутреннего конструирования профессии. Старейшая из известных публикаций о музейной этике относится к 1898 г. Ассоциация немецких музеев — первая национальная организация, принявшая и опубликовавшая этический кодекс. В 1918 г. она опубликовала кодекс поведения по отношению к предметам искусства и общественности. Американская ассоциация музеев (ААМ) опубликовала свой первый кодекс в 1925 г. Примечательно, что кодекс ААМ 1925 г. основной акцент делал на отношениях между работником, директором и управляющим органом. Он не использует термин «профессиональный». Термины «профессиональный» и «музейные работники» появляются в нем лишь в 1978 г. в связи с сильным вниманием к обязанностям музейных сотрудников. Самоопределение профессии и ее внутреннее признание радикально отстает от существенных атрибутов профессии: моральная нормативность сотрудника музея возникает гораздо раньше идеи о том, что «музейщик» может быть профессией.

В начале 1970-х гг. в США возникает много споров — в основном об изъятии и продаже предметов из музеев — и этика снова оказывается в повестке дня. В 1974 г. был опубликован специальный выпуск *Museum News*, посвященный этике, и содержащий Кодекс 1925 г. В том же году была создана исследовательская группа для пересмотра и обновления старого кодекса. Новый кодекс был опубликован уже в 1978 г. В этот же период кодексы этики были приняты в ряде других стран — Новой Зеландии, Великобритании (1977), Канаде и Израиле (1979), Австралии (1982). Примечательно, что во всех крупных англоговорящих странах кодексы были разработаны в то же время. Это показывает довольно сильное распространение идей, выступающих за общий язык и общую профессиональную культуру. На международном уровне наиболее важным событием стало принятие Кодекса профессиональной этики на 15-й сессии Генеральной конференции ИКОМ в Буэнос-Айресе, Аргентина, в

1986 г. Основан он в основном на Кодексах ААМ (1978) и Ассоциации музеев (1983).

Ведущая роль в создании множества специальных целевых кодексов для различных профессиональных специализаций в музее исторически принадлежит США. Первый из таких кодексов касался работы реставраторов. В 1963 г. американская группа Международного института охраны опубликовала стандарты практики и профессиональных отношений реставраторов, известные так же как отчет Мюррея Писа (Murray Pease Report). Кодекс был адаптирован в 1967 г. и опубликован американским Институтом охраны как Кодекс этики для реставраторов. Новая версия была опубликована в 1980 г. как Кодекс этики и стандарты практики. Другие специализированные кодексы Американской ассоциации музеев освещают работу куратора (принят в 1983 г.), музейного педагога (принят в 1989), специалиста по связям с общественностью (принят в 1984 г.). В 1982 г. Ассоциация приняла свой этический кодекс для музейных магазинов. В 1991 г. Кодекс этики музейного обучения был предложен Международному комитету по подготовке кадров ИКОМ.

Деятельность, которая на ранней стадии привлекла свое внимание в дискуссии по музейной этике, — комплектование. В 1971 г. ИКОМ опубликовал свой Этический кодекс приобретения, который впоследствии был включен в кодекс ИКОМ в 1986 году. Сбор археологического материала уже был предметом определенных правил, сформулированных на Международной конференции по раскопкам в 1937 г. В 1976 г. Кодекс этики и стандарты исследовательской деятельности был принят Американским профессиональным обществом археологов. В этих документах принципы собирания и опасность уничтожения материальных свидетельств при проведении некомпетентных раскопок рассмотрены особенно тщательно.

Художественные музеи были первой категорией музеев, сформулировавших конкретные этические кодексы. В 1966 г. Ассоциацией директоров художественных музеев США был принят специальный кодекс для художественных музеев, впоследствии был обновлен в 1972 и 1981. Музей университета Пенсильвании был, пожалуй, первым музеем, который принял собственные внутренние этические принципы.

Однако несмотря на активную разработку и принятие профессиональных кодексов, музейные кодексы зачастую акцентируют

внимание на локальных проблемах музейного сообщества, очевидно наиболее критичных моментах профессиональной музейной деятельности. Так большинство кодексов единогласно исключают торговлю из профессии. Менее единодушны они в вопросах, касающихся частного коллекционирования. Согласно Кодексу ИКОМ, ни один из работников музея не имеет права заниматься торговлей, в то время как имеет право иметь собственную личную коллекцию, соблюдая некоторые правила. Полный запрет на коллекционирование можно встретить, как правило, в старых кодексах. Он был назван «старым правилом» и является краеугольным камнем музейной этики прошлого века. Этот запрет является типичным для первого этапа профессионализации в музейной сфере. В конце XIX — начале XX в. многие руководящие посты в музеях рассматривались как второстепенные, в дополнение к основной деятельности. До начала XX в. директор музея очень часто сам был художником. В связи с этим, необходимо было четкое отделение музейной профессии от мира коллекционеров, художников, дилеров и т. д.

После создания музейной работы как полноценной профессии, правила, касающиеся частного коллекционирования, могут быть сформулированы в более сдержанной манере. В связи с этим интересно заметить, что в новейшем кодексе Американской ассоциации музеев частное коллекционирование практически не рассматривается в качестве проблемы. Зато в 1990-е возникает новый актуальный элемент профессиональных кодексов для музейщиков. Это конфликт между ценностями и целями бизнеса и руководства и культурой на основе традиционного подхода к музею. Не случайно британские и американские ассоциации музеев считают необходимым регулярно обновлять существующие кодексы.

Рассмотрение истории формирования и институализации «музейщика» как профессионала позволяет выделить несколько аспектов, проявляющихся в тенденции к использованию этических кодексов, и влияние этого на превращение музейной деятельности в профессию. Итак, в музейном сообществе этические кодексы призваны решить следующие задачи:

1. Руководство профессиональным сообществом;
2. Защита музеев и их ценностей от внешних факторов;
3. Классификация и дефиниция агентов сообщества.

Данные три позиции позволяют однозначно ответить на вопрос о том, является ли музейное сообщество сообществом профессионалов и, более того, может ли музейная деятельность трактоваться

ваться в качестве профессии. Выделение уникального субъекта действия, присутствие постоянных форм практики, сложившиеся и артикулируемые стандарты работы и поведения и, самое главное — наличие ценностного ядра деятельности — все это указывает на то значительное влияние, которое морально-нормативное измерение оказывает на формирование и признание профессии.

На пути к пониманию механизмов функционирования институализированных норм в профессиональной этике*

Ларионов И. Ю.

В этом небольшом тексте предпринимается попытка выделить ключевые аспекты в исследовании механизмов функционирования институализированных норм в профессиональной этике. В основании рассуждения лежит предположение, что понимание этих механизмов зависит от представления о природе профессиональной этики и ее источниках.

Одна из распространенных точек зрения на нравственные нормы состоит в том, что они сохраняют свою сущность, только когда избегают институционализации. И если разнородность морали с нормами и ценностями политики, государственного управления и права ясна даже на интуитивном уровне, то возможность институционализации морали в области профессиональной этики, а также в этике бизнеса и организационной этике остается открытым вопросом. Действительно, можно ли назвать «нравственностью» специально разработанную и поддерживаемую в организации систему поведения, принципов принятия решений в кризисных ситуациях, а также правил для описания и аргументации поступков (дискурс)?

Традиционно профессиональный этос в средневековой Европе опирался на неписаные законы повседневной жизни профессиональной корпорации. Извне он поддерживался цеховой системой, так что правила поведения ремесленника были, в то же время, свя-

---

* Статья выполнена при поддержке гранта РФНФ (Проект № 12-03-00505).